

КЪ ПОЛУВѢКОВОМУ ЮБИЛЕЮ
ЗАВОЕВАНІЯ РУССКИМИ ТУРКЕСТАНА
1865—1915 г.г.

Дивана-и-Машрабъ

Жизне-описание популярнѣйшаго
представителя мистицизма въ
Туркестанскомъ краѣ.

Съ тюркскаго перевелъ и снабдилъ примѣчаніями
Н. С. ЛЫКОШИНЪ.

Изданіе Самаркандскаго Областного Статисти-
ческаго Комитета.

Д б
453

А
К. Я. Машрабъ

Диважа-и-Машрабъ

Жизне-описание популярнѣйшаго представителя мисти-
цизма въ Туркестанскомъ краѣ.

.....

Съ тюркского перевелъ и снабдилъ примѣчаніями
Н. С. ЛЫКОШИНЪ.

—*—

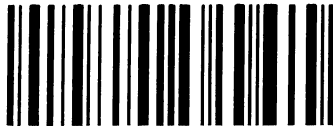
Издание Самаркандскаго Областного Статистическаго Комитета.

Ä

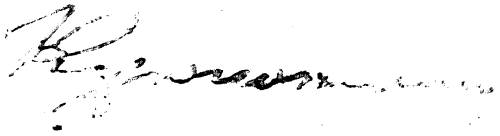

op. 6629-35

2004175243

Ä

Дивана-и-Машрабъ.

Жизнеописание популярнѣйшаго представителя мистицизма въ
Туркестанскомъ краѣ.

Съ тюркскаго перевелъ и снабдилъ примѣчаніями

Н. С. ЛЫКОШИНЪ.

Нѣсколько словъ отъ переводчика.

Среди представителей мистицизма, наиболѣе популярныхъ у суфіевъ*) Туркестанскаго края, есть особенно близкіе нашему населенію суфійскіе авторы, по происхожденію своему родственные туземцамъ Средней Азіи.

Безспорно, Ходжа Хафизъ и другіе персидскіе поэты мистическаго настроенія оставили міру безсмертныя поэтическія произведенія, съ которыми трудно сравниться произведеніямъ уроженцевъ сравнительно мало-культурной страны, вовсе не подготовленныхъ къ передачѣ мистическаго ученія въ звучныхъ стихахъ. Тѣмъ не менѣе, Туркестанскій святой Хазретъ Султанъ, Наманганскій Дивана—и—Машрабъ, Суфи Аллаяръ и др. уроженцы Туркестанскаго края привлекаютъ къ себѣ среднеазіатскихъ читателей родственностью

*) Суфизмъ—мистическое ученіе; послѣдователи ученія называются „суфл“.

своей, непритязательной удобопонятностью своихъ поэтическихъ образовъ, полной естественностью своего изложенія таинственныхъ, отвлеченныхъ истинъ тариката*).

Между этими, такъ сказать, національными суфійскими авторами рѣзко выдѣляется своею оригинальностью личность Наманганскаго суфія *Дивана—и—Машраба*, который извѣстенъ положительно каждому туркестанскому туземцу, независимо отъ общественнаго его положенія или научной подготовки: большинство туземцевъ частью или полностью читало его произведенія, а неграмотные слышали декламацию его стиховъ..

Однако, совершенно различно относятся къ этому оригинальному мистику различные слои туземнаго общества. Заговорите о Машрабѣ съ неграмотнымъ даже простолюдиномъ и онъ, улыбаясь во весь ротъ, продекламируетъ вамъ нѣсколько строкъ изъ самой скабрёзной, но въ то же время остроумной газали**) Машраба, которую онъ случайно слышалъ въ какомъ-нибудь собраніи отъ грамотныхъ людей и легко запомнилъ, благодаря простотѣ языка и реализму описываемыхъ происшествій изъ жизни чудака—юродиваго.—Стоитъ, напротивъ, заговорить о Машрабѣ съ ученымъ туземцемъ, чтобы услышать о немъ самый презрительный отзывъ, какъ о человѣкѣ, не заслуживающемъ никакого вниманія, самая принадлежность котораго къ числу послѣдователей ислама еще подлежитъ сомнѣнію. Часто даже хорошо знакомый съ произведеніями Машраба ученый туземецъ постарается скрыть это знакомство, отречется, что читалъ этого автора, какъ особенно скромныя барышни подчасъ стѣсняются сознаться, что читали новеллы Боккачіо, или сочиненія Гю и де Мопассана. Отнюдь не скромность въ этомъ случаѣ удерживаетъ муллу отъ чистосердечнаго признанія своего знакомства съ непризнаннымъ святымъ: гордость своею ученостью кладетъ печать молчанія на уста такого знатока мусульманскихъ наукъ и не позволяетъ ему обнаружить, что и онъ когда-то интересовался не одними строго научными сочиненіями, признанными всѣми образованными людьми за чистыя произведенія ума. Въѣдъ поддерживая разговоръ о Машрабѣ, да еще съ русскимъ человѣкомъ, такъ легко ученому туземцу уронить себя въ глазахъ собесѣдника, поставить себя на одну доску съ «аами»—неграмотными неучами, готовыми восхищаться такими грубыми произведеніями, какъ газали Машраба.

И муллы наши правы по своему въ своемъ пренебреженіи къ лич-

*) Тарикать—одна изъ степеней знанія (тарикъ—путь); извѣстны три степени знанія—шаріать, тарикать и хакикать.

**) Газаль она изъ формъ стихосложенія.